

сти на их родной почве. Относительно меня лично, то, хотя я и в Казани не могу жаловаться на результаты моей профессорской деятельности, но все-таки полагаю, что в Варшаве она была бы гораздо полезнее. Пребывание в лучшем климате и в среде, мне родной, могло бы только значительно увеличить мою энергию и способность к труду. Конечно, для того чтобы я мог получить место в Варшаве, нужны, кроме национальной терпимости, еще некоторые частные условия, и в этом числе 1) мои личные «достоинства», 2) свободная кафедра.

Касательно первого, то я считаю лишним ссылаться на мои ученые труды; Вы их знаете по отзывам. Если мое заключение по разным этим отзывам верно, то труды мои следует считать вполне удовлетворительным для занятия одной из кафедр, подходящих к моей специальности. Насчет этого Вы можете впрочем спросить Ягича, в хорошем мнении которого я вполне уверен. В нравственном отношении моя прежняя и теперешняя жизнь может служить известною гарантией. Наконец, в отношении политическом я совершенно чужд всякой национальной или племенной вражды и своим строго научным отношением к делу мог бы посылно способствовать «делу примирения». Как в русских, так и в поляках (как и вообще во всех без исключения людях) я ценю не происхождение, но действительные хорошие качества, я имею отвращение ко лжи, к международной, междусословной и к какой бы то ни было травле, к нетерпимости и к разным другим проявлениям низших инстинктов человеческих стад. Я полный «космополит» в смысле справедливого отношения ко всем без исключения людям. Может быть, я и ошибаюсь; но мне кажется, что оцениваю себя довольно верно.

Перехожу теперь к Варшавским кафедрам:

1) Кафедра «сравнительной грамматики славянских и других родственных языков» остается до сих пор вакантною, и на вряд ли можно считать ее занятою, хоть в самой незначительной мере, *временным преподавателем* С. П. Микуцким, способным только к ученым галлюцинациям.

2) После смерти Колосова¹³ стала вакантною одна из кафедр славянской филологии, которую я занял бы с большим удовольствием и на которую мои научные труды дают мне некоторое право.

3) В случае, если б, кроме кафедры польской литературы, имелась в виду тоже кафедра *польского языка*, занятие ее дало бы мне возможность продолжать успешно один из разделов моих специальных исследований. Я повел бы это дело в смысле этнографических исследований области, занимаемой теперь, вполне или отчасти, польским племенем.

Но самый главный мотив к предоставлению мне в Варшаве одной из кафедр я вижу в том, что *там нет положительно ни одного представителя языковедения*, науки столь важной и необходимой на историко-филологических факультетах.

Обращая на все это Ваше внимание, я надеюсь, что Вы при случае будете содействовать осуществлению моего душевного желания, за что приношу Вам вперед мою сердечную благодарность.

Очень жалею, что моя «Подробная программа лекций в 1877—78 г.» еще не готова (значительная часть ее напечатана в «Ученых Записках Казанского Университета» 1879 и 1880 г.). Она выйдет почти в 20 листов. Через несколько недель доставлю Вам один ее экземпляр. Точно так же постараюсь доставить Вам своевременно отдельный отпечаток отрывков из моих лекций, печатаемых в Варшаве и в Воронеже.

Остаюсь, многоуважаемый Александр Николаевич,

Вам вполне преданный И. Бодуэн де Куртене.

...Если невозможно получить место в Варшаве, то нельзя ли по крайней мере в Дерпте?

¹³ Колосов М. А (1832—1881) — русский лингвист-славист.